

Литературная мафия
Анны Старобинец
детектив

Лицом в сугробе лежит мой рыцарь

2018

Литературная мафия Анны Старобинец Лицом в сугробе лежит мой рыцарь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40219750

ISBN 9785449088062

Аннотация

Книга написана под руководством писателя и сценариста Анны Старобинец в ее творческой мастерской в рамках обучающей игры «Литературная мафия». Иллюстрации созданы под руководством профессионального художника в рамках курса «Графическая мафия». Возраст авторов текста и иллюстраций: 12 —15 лет.

Лицом в сугробе лежит мой рыцарь

Литературная мафия Анны Старобинец

Под ред. А.А. Старобинец

© Литературная мафия Анны Старобинец, 2019

ISBN 978-5-4490-8806-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторы текста:

Екатерина Ахадова

София Залевская

Михаил Глаголев

Виктор Киппер

Полина Киселева

Алиса Команова

Аглая Корецкая

Варвара Крянина

Екатерина Николсон

Никита Павлов
Александра Смирнова
Александра Старобинец
Лилия Юхименко

Идея названия: Михаил Глаголев

Автор обучающей игры «Графическая мафия»:

Анна Старобинец

Мастер литературного курса: Анна Старобинец

Редактор: Анна Старобинец

Авторы иллюстраций:

Екатерина Архипова

Екатерина Ахадова

Евгения Ахметчина

Александра Демидович

Варвара Жилинская

София Залевская

Максим Иванов

Андрей Ищенко

Аглая Корецкая

Варвара Крянина

Екатерина Николсон

Агата Прокофьева

Александра Смирнова
Александра Старобинец

Авторы обложки: Аглая Корецкая, Варя Крянина

**Мастер курса «Графическая магия»,
художник-иллюстратор:** Екатерина Гаврилова

Еве было семнадцать. Короткие пепельно-русые кудрявые волосы, вечно спутанные, торчали во все стороны. На круглом, все еще не потерявшем детскую припухлость лице темнели крошки родинок, которые сочетались с ее карими глазами.

Еве было шестнадцать, и больше всего на свете она мечтала уехать отсюда.

Ее мать умерла, когда ей исполнилось пять, ее старший брат уехал, когда ей было восемь. Ева осталась с угрюмым и властным отцом. Единственным близким человеком, к которому Ева испытывала привязанность, был брат, но он приезжал все реже и реже и в конце концов совсем пропал. Какое-то время они переписывались, но потом он перестал отвечать. Через год Ева наконец смирилась и перестала строчить письма в пустоту. Но теперь – ее брат приедет. Отец сказал ей утром:

– Он будет здесь сегодня, этот гаденыш. Решил меня засудить.

Ева сделала вид, что новость ей безразлична. А про себя

решила: это ее единственный шанс. Сережа увезет ее в город. От этих снежных сугробов, от этих мрачных людей, от этой судьбы.

Когда в снегу нашли тело ее брата, она до утра лежала и смотрела в потолок – теперь она никогда не уедет отсюда.

Он лежал на животе, раскинув руки и ноги, как морская звезда, уткнувшись лицом в талый сугроб. Как будто разглядывал что-то очень важное там, в снегу. Как будто с детской жадностью всматривался во все, что с ним успело и не успело случиться. Вот он стоит перед отцом за полгода до окончания школы и говорит, что мечтает не о переработке оленьего мяса, а о карьере врача, – а отец приходит в ярость и выставляет его на мороз на всю ночь со словами «еще раз заикнешься об этом, от тебя мокрого места не останется»... Вот выпускной, и на следующий же день он целует сестру и бежит из дома, не оставив даже записки... Автостопом добирается до города... Работает грузчиком, курьером, барменом... Снимает квартиру на окраине города у одинокой пожилой дамы, которая заботится о нем то ли как мать, то ли как невеста... Вот он поступает в мединститут, вот он подрабатывает в редакции районной газеты в рубрике «Ответы доктора Айболита»... Он скоро получит диплом и поступит в аспирантуру, он будет нейрохирургом, он спасет сотни жизней... Но прежде, чем это случится, он разберется с отцом как мужчина с женщиной, добьется всего, что ему причитается от отца, – от недвижимости до любви...

Но нет. Не получит. Не спасет. Не добьется. Его найдут уткнувшимся лицом в снег. Его упакуют в черный мешок и доставят в импровизированный морг в подвале местной больницы – в настоящий морг попасть невозможно из-за «распуты». Он приплыл сюда в лодке за день до начала рас-

пути, не зная, что это лодка Харона. Он не выберется отсюда живым уже никогда. Да и мертвым – не скоро.

Север состоит из снежных лесов, из дорог и рек, практически неотличимых друг от друга, и из редких городов и поселков, потерянным бисером разметанных в этой бескрайней белой пустыне.

Распутой называют местные то, что происходит с рекой в межсезонье: по воде уже не приплывешь на лодке, по льду еще не пройдешь на «Буране». Холодная каша из воды,

льда, грязи и снега, именуемая местными «слус», дважды в год отгораживает поселок N, что в Ямало-Ненецком округе, и от округа, и вообще от всего мира на месяц.

Инспектор Башмаков открыл страницу «ВКонтакте», включил диктофон (он любил все свои соображения и выводы записывать на диктофон, как делают настоящие супер-профессионалы), откашлялся и начал читать:

– Запись погибшего Сергея Гарина на личной странице «ВКонтакте». «Я уже несколько дней живу у отца и сестры. Каждый день...

...похож на предыдущий. Но вчера я был у Олеси.

Еще на пороге я заметил, что она как-то странно посмотрела на меня и тут же отвела взгляд. Я не придал этому боль-

шого значения, списав все на ее усталость – ведь она постоянно работает с животными. Но теперь я, кажется, понимаю, почему она так отреагировала на мое появление.

Она сразу же повесила мой мокрый от снега шарф на батарею, угостила меня чаем, а потом мы, захватив бутылку вина, переместились в гостиную, где вместе смотрели фильмы на стареньком пузатом телевизоре, уютно устроившись на потертом диванчике, который я помню еще с детства.

Олеся больше не бросала на меня странных взглядов. Казалось, она чувствовала себя комфортно в моем обществе. Она была абсолютно умиротворена, я видел это по ее прекрасному лицу и расслабленной позе.

Я накрылся пледом, который лежал на спинке дивана. Откинулся на подушку с цветастой вышивкой. Предметы вокруг становились все менее четкими, казалось, я засыпал.

Меня разбудило резкое движение на другой стороне софы. Я приоткрыл глаза и понял, что Олеся уже не сидит рядом со мной, да и вообще ее больше нет в комнате.

Из прихожей доносились приглушенные голоса, но что обсуждали эти люди, я так и не смог понять, слыша только какие-то бессмысленные обрывки фраз.

Я с трудом поднялся с дивана, стараясь не шуметь, и аккуратно, насколько это позволяло мое состояние, шагами направился в сторону говорящих.

– Но разве нет иного выхода? – донесся обреченный голос Олеси. Я замер.

– Не думаю. – Резкий голос моего отца заставил меня буквально перестать дышать. Интересно, что они обсуждают?

– Я могу это сделать. Хотя яд, которым мы усыпляем животных, выдается строго под отчетность. – Кажется, еще чуть-чуть, и она заплачет. – У меня будут проблемы. Думаю, ружье – лучший вариант. Если сделать это правильно, он совсем не почувствует боли.

Что?!

– Хорошо. Нам нужно убрать его как можно скорее, – холодно отвечает отец, – Он тоже был мне когда-то дорог, но сейчас он явно взбесился.

Господи... Я пытаюсь вспомнить молитву. Я потею от страха. В этот момент я даже забываю о том, что не верю в Бога.

– Хорошо, этой ночью, – теперь я слышу в голосе девушки железную решимость, – Саша тоже говорил мне.

Бежать, и как можно скорее – первая мысль, которая проносится в моей голове. Нужно будет где-то спрятаться.

Я слышу, как закрывается входная дверь и Олеся направляется в мою сторону.

– Слушай, – начинаю я, и она вздрагивает от неожиданности, – я пойду, наверное.

Она обнимает меня на прощание.

Убить себя – вторая мысль, которая приходит мне в голову. И она гораздо более правильная. Убить себя – раз вы меня ненавидите. Вы, самые близкие люди. Не утруждайтесь

поиском ядов и ружей.

Я просто выпилюсь сам...

– ...выпилюсь сам» – что за словечки у них дурацкие. – Инспектор Башмаков снова прокашлялся. – Всё, конец текста. Итак, что мы имеем. Сергей Гарин, двадцать три года, волосы темно-русые, глаза голубые, рост сто восемьдесят пять сантиметров, телосложение астеническое. Причина смерти – отравление таблетками, фенозепамом. В комнате покойного найдено десять упаковок. Тело опознано ближайшими родственниками: отцом и сестрой. По свидетельствам друзей и родственников, характер имел закрытый, демонстрировал суицидальные наклонности... Последняя запись в соцсетях – обещание покончить с собой. Парень был явно не в себе, решил, что его хотят убить родной отец и подруга детства. Ну, в общем, тут всё понятно. Самоубийство. Жаль парня. Тем более, тезка. Можно отдавать родным. Пусть хоронят... – Инспектор на секунду задумался. – Хотел отсюда вырваться парень – да так и не смог.

Инспектор Сергей Иванович Башмаков выключил диктофон. Он тоже однажды чуть было не вырвался из N – и тоже не смог.

Родился он в N в 1977 году. Жил с двумя старшими бра-

тнями и отцом – мать умерла, когда он был еще совсем ребенком – он ее даже не помнил. Отец его, военный, и обладал крутым нравом и держал детей в страхе наказания, настолько сильным, что на памяти маленького Сергея ни разу угроза наказания не была приведена в исполнение. Иван Васильевич Башмаков добился в доме идеальной дисциплины, учил своих детей всегда следовать правилам и уважать только старших по званию.

После школы Сергей пошел в армию, и именно там одна нелепая случайность определила его будущую профессию. Шел второй год службы, стояла осень. У командира части Петра Алексеевича Петренко пропала присланная накануне посылка с домашней колбасой; из-за этого происшествия на уши поставили всю часть, стали выяснять, кто виновен в исчезновении. В ходе выяснений Башмаков вдруг увидел на влажной земле отпечатки лап, а между ними – широкий след от прямоугольного предмета. В голове созрела догадка, которой он поспешил поделиться с майором. И действительно, его ожидания оправдались: в будке Шарика обнаружилась разгрызенная коробка со злосчастной полусъеденной колбасой. Обрадовавшись находке, Петренко весело заявил: «А тебе бы, Башмаков, в следователи». Хоть слова эти были сказаны в шутку, Башмаков воспринял их очень серьезно и в ответ задумчиво протянул: «А что, можно и в следователи...»

После армии Башмаков отправился прямиком в Ураль-

ский юридический институт, закончил его с огромным трудом и с позорными оценками в дипломе, а по окончании вуза стараниями отца его распределили на практику в следственный отдел того самого северного поселка N, в котором он родился и вырос.

Благодаря не столько уму, сколько подвижности (Башмаков предпочитал любое действие всякому бездействию, даже если действовать было абсолютно бесполезно) Башмаков постепенно дослужился до старшего следователя.

В свои сорок лет Башмаков выглядел довольно молодо и не был этому рад: он хотел производить впечатление человека респектабельного, поэтому носил густую короткую черную бородку, а волосы аккуратно зачесывал на левый бок, скрывая под челкой неинтеллигентно низкий лоб. Большой, приплюснутый нос и мутновато-зеленоватые глаза навывкате, за которые еще в детстве он получил обидную кличку Карась, Башмаков скрыть не мог и своей внешности очень стеснялся. Кончик носа он постоянно трогал рукой, как бы стараясь заслонить его от чужих взглядов, глазами же старался ни с кем не встречаться, предпочитая смотреть в одну точку впереди себя на полу – отчего создавалась впечатление, что он постоянно что-то искал на одном и том же месте изо дня в день.

По природе своей Сергей Иванович (обращение по фамилии он не терпел и расценивал как личное оскорбление) был человеком амбициозным и хвастливым, уверенным в своей

абсолютной незаменимости, однако совершенно не злым – конфликтов он не любил, а любил всяческий позитив, особенно рыбалку, и старался воспитывать сына «настоящим мужиком».

Его главной слабостью было неумение признавать собственные ошибки. Если по какой-то причине ошибку все-таки приходилось признать, голос Башмакова срывался, как у подростка.

Таких ситуаций, впрочем, обычно не возникало. В поселке N Сергей Иванович пользовался большим уважением и считался знатоком своего дела. Заезжий московский следователь как-то раз сказал Башмакову, что методы его прямолинейны и просты, а выводы поспешны и зачастую необоснованны, – но об этом случае Башмаков предпочел забыть, как о страшном сне, неконструктивном и непозитивном.

Башмаков замешкался на пороге. Опросить друзей и родственников самоубийцы вместе с судебным психиатром – это всегда неприятная, бессмысленная, но обязательная рутина. Но на этот раз все было немного серьезней. Ведь Олесю Багрову покойный обвинил в своем блоге буквально в подготовке его убийства... Башмаков поправил усы и покосился на психиатра Агаркова, незаметно маячившего за спиной.

На открывшую дверь девушку было больно смотреть. Вся в слезах и с опухшими глазами, она выглядела не на свои двадцать с небольшим, а лет на сорок. Спина сгорбилась, тонкие бледные руки дрожали.

– Доброе утро, Олеся, – прогудел Башмаков. – Полагаю, вы слышали о самоубийстве Сергея...

– Д-доброе... да какое же оно доброе, это утро! Да, конечно, я все уже знаю... Сережа, Господи... Сережа, Сережа... – Она говорила медленно, как будто заикаясь.

Олеся Багрова дружила с Сергеем с детства. Они жили в соседних домах и практически не расставались: ходили в одну группу детского сада, потом в один класс в школе, вместе играли в баскетбол. Только, в отличие от Сергея, Олеся не родилась в селе N, а приехала с родителями, когда ей было полтора года: оставшийся вдовцом дедушка оказался не в состоянии справляться с хозяйством и угасал в одиночестве. Родители Олеси были зоотехниками и выездными ветеринарами, поэтому легко нашли работу в одном из зверосовхозов в окрестностях N.

В старших классах Сергей и Олеся оба увлеклись биологией, зачитывались книгами про анатомию животных и человека. У Олеси была собака лайка по кличке Босс, с которой они часто гуляли вместе. В какой-то момент они оба заметили, что Босс стал вялым, перестал есть и постоянно скулил. Вскоре выяснилось, что у собаки лейкоз. Через месяц

Босс умер. У могилы пса Сергей и Олеся торжественно дали друг другу обещание вместе уехать из N, поступить на медицинский, стать врачами – и найти лекарство от рака.

Однако в одиннадцатом классе решимость Олеси поугасла. Она завела бойфренда (к огромному разочарованию Сергея, это был не он) и решила никуда от своего женского счастья не уезжать, а остаться в N и стать ветеринаром, как мать и отец.

Сергей же свое обещание выполнил: уехал в мегаполис и поступил в мединститут.

В редкие свои приезды в N он всегда заходил к Олесе, они мило болтали, она угощала его чаем с оладушками, но, когда однажды он попытался ее обнять, она сняла его руку с талии и отстранилась: «Ты что? Ведь мы же просто друзья...»

– ...Вы, наверное, читали его текст в социальной сети, – прогудел Башмаков.

– «ВКонтакте», да. Бедный мальчик! Мы с его отцом обсуждали необходимость убийства бездомной собаки – а он принял это на свой счет, боже мой, мой Сережа... А вы видели, какое прекрасное стихотворение кто-то там написал в коментах под статусом Сереженьки? «Лицом в сугробе...» Нет, так не помню. Сейчас я вам найду.

Дрожащим пальцем она стала тыкать в экран смартфона. Наконец нашла одинокий анонимный комментарий к записи Сергея «ВКонтакте» и продемонстрировала Башмакову:

Лицом в сугробе
Лежит мой рыцарь
Глаза из снега
Латы изо льда
И не согреться
И не укрыться
Конец надежды
Распута навсегда.

– Красивое, правда?

– Угу, – с сомнением кивнул Башмаков. – Я все же хотел бы задать несколько вопросов.

– Извините... я сейчас соберусь. – Она вытерла слезы и села прямо, всем своим видом показывая, что сосредоточилась на разговоре и все чувства и эмоции отбросила в сторону.

– Как вы можете оценить настроение, душевное состояние Сергея вчера вечером – и в целом? – подал голос психиатр Агарков, и Олеся взглянула на него с таким удивлением, как будто только сейчас заметила в комнате.

– С подросткового возраста у Сергея были проблемы со сном, депрессивные эпизоды, пограничные состояния...

– Вы медик? – уточнил Агарков.

– Почти. Я ветеринар. Но я хорошо знаю, о чем говорю. Сергей постоянно пробовал разные препараты от бессонницы и тревоги, и все это привело к тому, что он вообще не мог

заснуть без медикаментов и алкоголя. На данный момент, мне кажется, он принимает... то есть принимал «Барбовал». Это средство используется при бессоннице и неврозах. Сергей всегда был вспыльчивый, а из-за ситуации с его отцом, с домом и так далее... Да еще этот наш разговор, который он не так понял... Но все равно я думаю, что он умер... Боже, какое страшное слово! Умер... – глубокий вдох, пауза – и она снова четко и ровно продолжила: – Я не верю, что Сережа себя убил. Полагаю, он умер от передозировки. Нормальная доза для человека – это десять-пятнадцать капель. Я знаю, что Сережа никогда не был сильно аккуратным. Возможно, от переизбытка эмоций он решил, что лишние десять-двадцать капель не повредят. Но это не так. Такая доза могла привести к остановке сердца.

– Не похоже, что дело в лишних каплях. В комнате у Сергея нашли десять пустых упаковок от феназепама, – сообщил Башмаков.

– Я не верю, что он убил себя!

– То есть вы полагаете, его убил кто-то другой? – Башмаков даже усмехнулся от абсурдности такого предположения.

– Нет, но он... Сережа часто говорил о самоубийстве. Это были просто слова. Это всегда были просто слова! Как же так... – Она зарыдала.

Башмаков галантно протянул ей бумажный платок. У него было правило: идешь опрашивать близких погибшего – бери с собой упаковку бумажных платочков.

– Люди, склонные к суициду, всегда сначала говорят о нем – а потом делают. – Агарков вынул из кармана игрушечного рыцаря, повертел в руке и посмотрел на стену. Там сидел паук и смотрел на него, Агаркова.

Во внешности сорокатрехлетнего Андрея Агаркова, судебного психиатра, не было ничего необычного, кроме разве что нездоровой худобы, сутулости и бегающего взгляда. Мутные глаза, пепельные волосы и светлая кожа сливались в пятно неопределенного светло-серого цвета, с которого хотелось поскорее перевести взгляд на вещи поярче. Агарков носил толстовку намного больше его самого, а в кармане толстовки всегда лежал маленький игрушечный рыцарь. Иногда Агарков доставал его, нервно вертел в руках и клал на место.

Никто из его сослуживцев не смог бы точно сказать, когда именно Агарков пришел работать судебным психиатром. Из-за тихого характера и непримечательной внешности сослуживцы не обращали внимания ни на него, ни на мелкие странности, которые у Андрея Агаркова, несомненно, имелись.

Когда-то, никто уже не скажет когда, Андрей Агарков был маленьким бойким мальчиком Андрюшкой с торчащими во все стороны светлыми волосами и ясными, живыми глазами. В то лето родители опять отправили его в деревню

к Бабушке, подальше от городского воздуха и от себя. Андрюшка ненавидел эти поездки, но совсем не потому, что скучал по маме или городским друзьям.

Бабушке было около восьмидесяти лет. Она почти никогда не выходила из дома, чаще всего просто сидела неподвижно на скамье и смотрела в сторону игрушек Андрюшки, привезенных из города. Иногда она вскакивала и начинала быстро ходить, дергая ногами, как перевернутое насекомое. Всего у нее было пять конечностей – две ноги, всегда цепляющиеся за что-то руки и Палка. Обычно руки Бабушки просто крепко сжимали Палку, как если бы она пыталась задуть ее. В те моменты, когда Бабушка вставала, она бегала по дому и по двору и била Палкой воздух у своих ног, будто бы отбиваясь от кого-то и что-то бормоча. В это время она не замечала ни людей, ни препятствий на своем пути, если только на них не натыкалась Палка. Часто Андрюшке становилось жалко Бабушку, потому что все соседи боялись и избегали ее, но все же страх был гораздо сильнее жалости. В доме он обычно сидел в углу, обложившись игрушками. Он быстро заметил, что Бабушка и Палка никогда к ним не приближаются.

Однажды ночью Андрюшка проснулся от шума. Он незаметно приоткрыл глаза и увидел, что Бабушка и Палка стаскивают все вещи, какие можно сдвинуть с места, в центр комнаты. Скоро куча вещей стала примерно с Бабушку. В центр кучи Бабушка и Палка посадили игрушки Андрю-

ши. Мальчик сжал веки, надеясь проснуться. А когда открыл их, увидел, что Бабушка льет на кучу какую-то жидкость, а потом кидает туда горящее полено из печи. Тряпки и бумага вспыхнули сразу. Огонь поднимался и очень быстро достиг потолка. Андрюшка закричал, спрыгнул с лавки, схватил первую попавшуюся вещь из кучи и убежал, захлопнув за собой дверь. Уже на улице он услышал, что Бабушка пытается открыть ее и зовет Андрюшу на помощь, но это его не остановило. Мальчик бежал, и бежал, и бежал подальше от дома Бабушки. Последним, что он помнил, был запах гари. Андрюшка Агарков остановился, только когда понял, что находится на другом конце деревни, а в руке сжимает маленькую фигурку рыцаря. Когда он вернулся к тому месту, которое раньше было домом Бабушки, там не осталось уже ничего, кроме того, что когда-то было печкой.

Соседка-продавщица, к которой он вбежал в магазин, привела его к себе в дом, оставила ночевать, но не подпускала к своим детям. Она сказала, что Андрюша скоро вырастет и станет таким же, как Бабушка. Наутро из города приехали родители, наскоро похоронили то, что осталось от Бабушки, и почти не поврежденную Палку – и вернулись в город, забрав Андрюшку. После этого ему очень часто снилась Бабушка. Она превращалась в огромного пятилапого паука и пыталась съесть Андрюшку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.